

Олег Лейбович

«Выше зарубежного высокопоставленного чиновника»

Oleg Leibovich (Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg; Perm State Institute of Culture, Russia)

«Above foreign high-ranking bureaucrat»

DOI: 10.31857/S086956870006375-3

Статья Е.Ю. Зубковой — хороший повод «более пристально присмотреться к этому весьма любопытному феномену»: советской жизни в её самых разных исследовательских перспективах, в том числе субъектной составляющей, зависимой от критериев социальной идентификации и методов исследования (демографический анализ, гендерный подход, история поколений и др.). В исторических исследованиях социальной структуры советского общества представляется важным обратить внимание на её личностное измерение: каким образом люди, принадлежавшие к различным группам общества, описывают свой статус, какими практиками его достигают и как поддерживают. В эпоху модерна (в том числе советского) человек предьявляет своё место в обществе, используя, как минимум, два языка: публичный, предложенный властью для номинации социальных группировок, и частный, пригодный для характеристики собственного жизненного пути внутри малых сообществ. Если использовать терминологию А. Шютца и его последователей, то субъективные представления о социальной структуре формируются на перекрёстке мира повседневности и области конечных значений, по своей природе прежде всего идеологических¹. Двойственность социальных ситуаций влечёт за собой напряжённость личностного самоопределения, присутствующую на границах публичной и частной жизни².

Советский человек в 1940—1980-х гг. мог определять свою социальную принадлежность, выбирая из трёх вариантов: рабочий, колхозник, интеллигент (служащий). На эти группы общество разделил И.В. Сталин в 1936 г.; двум первым был присвоен классовый статус³. Для того чтобы установить такой общественный порядок, пришлось пересмотреть прежние, казалось бы, незыблемые представления. В эпоху войн и революций в большевистском языке доминировал образ общества, организованного двумя полюсами: буржуазией и пролетариатом. Идея оказалась простой и вполне доступной. В октябрьские дни 1917 г. солдат объяснял студенту на улицах Петрограда: «Выходит словно бы так: есть два класса — пролетариат и буржуазия... И кто не за один класс, тот, значит, за другой»⁴. Между полюсами располагалась колеблющаяся, бесформенная деревенская и городская стихия, мелкобуржуазная по своей природе. А.В. Луначарский причислял к ней всю трудовую интеллигенцию: «Она по очень многим свойствам может быть причислена к ремесленной части мелкой

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00221.

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.

² См.: Balandier G. Essai d'identification du quotidien // Cahiers internationaux de sociologie. Vol. 74. 1983. P. 5—15.

³ См.: Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 122.

⁴ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 160.

буржуазии. Это производители мелкого масштаба. Большинство их обладает некоторыми производственными навыками и знаниями»⁵.

После победы социализма общество должно было стать бесклассовым. В директивах XVII партийной конференции ставилась именно эта задача. В.М. Молотов утверждал, что большевики «подготовили осуществление основной задачи социализма — задачи полной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще». В резолюции конференции «основной политической задачей второй пятилетки» определялась «окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще»⁶. К этой идее власть относилась вполне серьёзно. В 1935 г. за высказывание о том, что «колхозники являются самостоятельным классом»⁷, из ВКП(б) исключили партийных пропагандистов, которых затем привлекли к уголовной ответственности за то, что «в момент проведения партучёбы в ряде случаев преподносили слушателям кружков [идеи о классовом характере колхозной деревни] явно в к/р духе»⁸.

Идею трёхчленного строения общества власти оркестрировали самыми различными способами. В статистике социалистические классы расписали по социально-учётным группам: профессиям, отраслям, квалификациям, территориям⁹. В деловой речи употребляли нейтральные обозначения: «рабсила», «кадры». Наряду с высоким слогом использовались и профанные выражения: «работяги», «начальнички» и проч. В партийных речах стили порой смешивались. Секретарь Свердловского обкома, приехавший в г. Кизел в декабре 1937 г., говорил на партийном активе: «Честных людей рабочий класс поднимает на щит, уважает и глубоко ценит», а затем бранил хозяйственников: «Некоторые работники ссылаются на недостаток рабочей силы. Не в этом дело. Рабочая сила есть, но она используется неправильно»¹⁰. В первом высказывании рабочий класс уподоблялся гиганту, обладающему бесспорным моральным авторитетом, ясным сознанием и абсолютным превосходством по отношению к любому администратору. И тут же секретарь напомнил слушателям о том, что рабочие это ресурс, распоряжаться которым хозяйственные и партийные руководители должны эффективно.

Заметим, что для колхозников иных терминов не изобрели. В бытовой речи их могли назвать по-старому «крестьянами», т.е. людьми отсталыми: «Темнота на светлом месте всегда будет темнотой. Её уже не переучишь»¹¹. В политическом дискурсе регулярно напоминали об их малой сознательности и частнособственнических пережитках. Секретарь Молотовского обкома возмущался на областном пленуме в октябре 1941 г. «рваческими наклонностями» селян: «Многие организации сейчас развращают колхозников. Колхозники на деньги

⁵ Судьбы русской интеллигенции. Новосибирск, 1991. С. 19.

⁶ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчёт. М., 1932. С. 8, 278.

⁷ Пермский государственный архив социально-политической истории (далее — ПГАСПИ), ф. 643/2, оп. 1, д. 26705, т. 1, л. 1 а.

⁸ Постановление прокурора Пермского сектора НКВД Ощепкова о предании суду за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» группы инженеров-конструкторов Пермского моторостроительного завода. 19 мая 1935 г. // Политические репрессии в Прикамье. 1918—1980 гг. Сборник документов и материалов / Науч. рук. О.Л. Лейбович. Пермь, 2004. С. 207.

⁹ См.: *Кордонский С.Г.* Социальная структура и механизм торможения // Постигание. М., 1989. С. 41.

¹⁰ ПГАСПИ, ф. 51, оп. 16, д. 51, л. 41.

¹¹ Запись от 24 февраля 1948 г. // Дневник А.И. Дмитриева (URL: <http://prozhitto.org/notes?date=%221948-01-01%22&diaries=%5B426%5D>).

перестали продавать, и просто нахально смотрит, облюбовывает твои штаны, рубаху и говорит — снимай штаны, тогда дам (в зале смех). Я слез с поезда на Григорьевской — вижу, продают молоко, спрашиваю — сколько за бутылку молока. Это Нытвенского района. Посмотрел — штаны хорошие, вроде, за бутылку не получит, и говорит — махорки осьмушку дай, тогда молоко получишь»¹². Горожане перекаладывали на колхозников ответственность за перебои в торговле хлебом, пустые полки в продовольственных магазинах. Рабочий судоремонтных мастерских мог в сердцах выругаться: «Колхозы нужно распустить, а колхозников перестрелять!»¹³.

С интеллигенцией дело также обстояло непросто. Первоначально Сталин прямо и недвусмысленно отождествил её с социалистическими кадрами — не только с инженерами и врачами, но и с партийными работниками: «У нас наши кадры, мало сказать, что они бывшие рабочие, бывшие крестьяне. Коль скоро тов. Шкирятов ушёл от станка и стал заниматься в ЦКК, вы уже интеллигент. Я извиняюсь (смех). Никому дела нет, кем вы были десять лет тому назад, а вы сейчас интеллигент. Все наши кадры — это интеллигенты, и они должны стать солью земли, и они могут стать. Это единственная интеллигенция, которая может стать солью земли, а чтобы она действительно стала солью земли, она должна изучить, к ней нужно принести книгу, заставить, приохотить учиться»¹⁴. Тем не менее для описания больших социально-учётных групп использовали термин «служащие». А в речи Сталина 1941 г. использовался снижающий образ «перепуганных интеллигентиков»¹⁵.

Во всяком случае, формула трёхсоставного общества принадлежала к коротенькому перечню партийных идей, прочно усвоенных получившими школьное и вузовское образование гражданами. Она была простой, лёгкой для запоминания и, в известной степени, соответствовала коллективному и индивидуальному опыту взрослых людей. Окончил техническое (ранее — ремесленное) училище, оформили на завод, поставили к станку, обеспечили заработной платой сдельно или по тарифу — стало быть, являюсь рабочим. Осталась после школы на ферме, мне учитывают трудодни, затем по итогам года выписывают либо деньги, либо продукты, выделили личное подсобное хозяйство, разрешили держать скот и немного торговать на рынке — значит, сделали меня колхозницей. Служащие имели соответствующий диплом, одевались тщательней, ходили на работу в чистом, брились ежедневно, пользовались духами или одеколоном, умели составить бумагу и интеллигентно говорить.

Иначе говоря, процесс самоопределения был достаточно прост и очевиден. Правда, здесь возникали некоторые затруднения. К какому классу относились работники прилавка? Позднейшая статистика без обиняков причисляла их к рабочим¹⁶. Их и принимали в партию по «рабочему списку». Рабочие от станка, однако, не считали их за своих, называли «торгашами», пользующимися

¹² ПГАСПИ, ф. 105, оп. 7, д. 13, л. 45.

¹³ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 301, л. 182.

¹⁴ Из выступления И.В. Сталина, 1 октября 1938 г. // Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)», 1931—1956. М., 2014. С. 464.

¹⁵ Сталин И.В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 86.

¹⁶ См.: Галкин А.А. Тенденции изменения социальной структуры // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 85.

незаслуженными привилегиями. В состав специалистов входили как врачи, инженеры и учителя, так и представители партийно-государственной номенклатуры, отличавшиеся друг от друга поведением и уровнем жизни¹⁷.

Необходимо также учесть замечание французского лингвиста Э. Бенвениста о том, что «самосознание возможно, только если оно переживается по контрасту с кем-либо»¹⁸. Оно справедливо и для ситуации в СССР. Для идентификации себя с рабочим классом или с интеллигенцией нужно было иметь в поле зрения другого, живущего по иным правилам, обладающего противоположными индивидуальными чертами. В течение последних 50 лет существования советского строя идеологическим клише стала идея непрерывного сближения всех социальных слоёв и групп, предполагавшая приоритет принадлежности к великому советскому народу. Быть советским человеком означало *a priori* иметь высокий социальный статус: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влащающего на плечах ярмо капиталистического рабства»¹⁹. Однако этот контраст имел значение только в одном контексте — сугубо идеологическом, звучавшем на митингах, собраниях и в газетных статьях. В повседневной жизни гражданин сталкивался не с «зарубежными чинушами», а с отечественными. И социальное самоопределение происходило по линиям, разделявшим людей на богатых (начальственных, привилегированных, сытых) и бедных, на «верхи бюрократии, специалисты и пр., живущие в буржуазных условиях... и рабочую массу»²⁰.

В культуре советского общества столкнулись две тенденции: эгалитаристские устремления низов и равнение на помещичьи и купеческие стандарты потребления (часто — воображаемые или стилизованные) верхов. Глядя на веселящуюся партийную знать, трудящиеся протестовали единственно разрешённым способом — анонимными письмами во власть. В ноябре 1949 г. ответственный работник Красноярского крайисполкома писал В.М. Молотову о поведении председателя Е.П. Колущинского: «К-ский ведёт свой образ жизни не как коммунист и советский работник, а как перерожденец (польский пан), доказательством чему является следующее. На улице Маркса К-ский занимает большой двухэтажный дом, в котором ранее размещались одновременно гостиница крайисполкома и общежитие работников милиции. На верхнем этаже живет сам К-ский, а нижний этаж занимает его бездельник сын, тогда как многие работники советского и государственного аппарата не имеют возможности получить хотя бы одну комнату. Для оборудования своей квартиры, квартиры сына и своего кабинета К-кий позабирал из государственного музея, лечкомиссии и дома отдыха крайисполкома ковры, бронзовые и фарфоровые украшения, художественные картины, кровати, мебель, постельное бельё. К-ский списал путём жульнических махинаций за счёт расходов крайисполкома полные гарнитуры мягкой мебели, изготовленные для себя лично и для бывшего зав. общим отделом Б-ва. Не довольствуясь вышеуказанным, К-ский

¹⁷ См.: Дамье В.В. Стальной век. Социальная история советского общества. М., 2013. С. 173—179.

¹⁸ Benveniste É. De la subjectivité dans le langage // Problèmes de linguistique générale. Т. 1. Paris, 1966. P. 260.

¹⁹ Сталин И.В. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. С. 320.

²⁰ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991. С. 202.

держит начальника Госохотинспекции Р-ва как своего главного егеря, который по указанию К-ского организовал в Ужурском и Емельяновском районах на сотнях гектаров колхозной и государственной земли личные охотничьи угодья для пана К-ского... Обозлены колхозники, которым под страхом привлечения к уголовной ответственности было запрещено охотиться в этих лесах. Многие из колхозников, рабочих и служащих были оштрафованы на большие суммы за то, что они посмели по своему незнанию случайно забрести в личные охотничьи угодья «пана» К-ского. Всю войну и после войны К-ский в неограниченном количестве по запискам и без записок бесплатно получал с мясокомбината колбасные изделия, из спиротреста — спирт, с пивзавода — пиво»²¹.

Отметим, что по отношению к подведомственному ему населению «пан К-ский» выступает в роли вельможи. Охотится в собственных лесных угодьях, живёт в особняке, заставленном музейными экспонатами: бронзой, живописными полотнами, фарфором и проч. Отнюдь не брезгует даровой колбасой и пивом. В соответствующих номенклатурных списках председатель крайисполкома числится ответственным работником, но в глазах рабочих, медиков, колхозников он — барин. А для К-ского все эти люди — что-то вроде крепостных или временнообязанных, с разной степенью исправности несущих свои повинности.

Вглядываясь в «пана К-ского» как в зеркало, жители Красноярского края — независимо от места занятости, квалификации, даже должностных окладов — осознают себя даже не «работягами» и не «рабсиллой», а обездоленными бедняками. В письмах к Сталину²² настойчиво звучит: мы же рабочие, нам нельзя жить в бесправии и нищете: «За счёт наших животов строите Москву, выдаёте музыкантам и артистам премии по 100—200 тыс. руб. Если правительство народное, то почему об народе не заботится, не подсчитывает прожиточный минимум, трудящиеся больше сейчас воруют везде, а больше где взять, иначе подыхать с голоду. Если бы я мог на своей зарплате жить кое-как, кто бы меня на какое-нибудь дело толкнул, ни в жизнь бы. Указами правительства о репрессиях людей не накормишь. Это не только личное моё мнение. Это мнение миллионных масс»²³. В свою очередь, люди, принадлежавшие к верхам номенклатуры, считали естественным своё право на всевозможные социальные привилегии — как закреплённые секретными постановлениями, так и полученные явочным путём. Исследовательница партийной номенклатуры в последнее сталинское десятилетие писала об «иррациональной жажде обладания», охватившей сотни больших советских начальников²⁴.

Быт большого начальника служил образцом для его ближайших товарищей по бюрократической корпорации: жить в особняках, обставлять их на манер барских усадеб, пользоваться персональным автомобилем для семейных нужд, устраивать трапезы за прочными заборами, внушать страх подчинённым, ни в

²¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 639, л. 33—34.

²² Письмо рабочих Лысьвенского металлургического завода, адресованное И.В. Сталину, о тяжёлом материальном положении населения. 9 декабря 1933 г. // Политические репрессии в Прикамье... С. 187.

²³ Письмо старшего бухгалтера отдела рабочего снабжения судоремонтного завода И.С. Кузьминых в ЦК ВКП(б) о нищете рабочего класса и бездействии правительства // Политические репрессии в Прикамье... С. 400—401.

²⁴ *Никонорова Т.Н.* Роскошь в эпоху позднего сталинизма (1945—1953 гг.) // Роскошь и её значение в общественной жизни / Под ред. Ю.Е. Путихина, А.И. Сосило. СПб., 2013. С. 45.

коем случае с ними не смешиваться. Председатель культурно-массовой комиссии завкома Колпаков на партийном собрании завода им. Молотова в апреле 1956 г. бранил директора за то, что он никогда не приглашает в свой лимузин даже начальников цехов: «Когда, как сказала врач тов. Мерзлякова, обратились к директору, чтобы увезти больного рабочего из завода срочно в больницу, так машину директора не дали, видите ли, после рабочего надо делать санитарную обработку... Я хорошо знаю многие факты, когда директорская машина днём во время работы часто бывает около разных магазинов, и в ней директорская тёща ездит днём на подсобное хозяйство за свежими помидорами»²⁵. Весной 1953 г. о работнице райкома писали в обком, что «она не выдержана, проживая по улице Плеханова, не могла спокойно говорить с соседями, со всеми ругалась и брезгует рабочего человека, если он плохо одет, называла “шпаной”, “пьяницей” и т.д.»²⁶.

Накапливаемый личный жизненный опыт, подкреплённый суждениями и оценками социально близких, формировал самосознание по контрасту. Социальный мир вновь становился полярным: простым людям противостояли вельможные господа. В материалах XIX съезда КПСС слово «вельможи» встречается несколько раз²⁷. В такой общественной атмосфере латентного противостояния социальных группировок можно обнаружить достаточные основания для конструирования идеи «нового класса» — социалистического аналога буржуазии, эксплуатировавшей трудовой народ в меру своих appetitов. В низах эта идея циркулировала в виде резонёрства по случаю, либо в осудительных заметках по поводу барского поведения начальников, либо в веренице слухов о купеческом разгуле партработников, но отнюдь не в ясных и непротиворечивых идеологических формулах, вроде «класс против класса». В номенклатурном кругу складывались коалиции, заключались гласные и негласные соглашения, направленные, в конечном счёте, на защиту групповых социальных интересов от критики снизу и от посягательств верховной власти. Эта солидарность вызвала в среде партийной интеллигенции дискуссию о социальной природе властной корпорации, причём пытались применить схему марксистского учения о классовой борьбе, заменяя буржуазию «центральной политической бюрократией как коллективным распорядителем средств производства» или иными эвфемизмами²⁸.

К середине 1950-х гг. завершился круговорот идей: от двухполярного представления о мире в революционную эпоху через образ гармоничного, бесконфликтного сотрудничества социалистических классов к смутному осознанию несходства и даже противоположности интересов начальства и людей труда. В самоопределении советского человека проявились черты амбивалентности. С одной стороны, он плоть от плоти социалистического общества, по праву занимающий место в шеренге строителей коммунизма. С другой же — индивид,

²⁵ ПГАСПИ, ф. 105, оп. 23, л. 115, л. 110.

²⁶ Там же, оп. 20, л. 177, л. 131.

²⁷ В речи А.И. Поскрёбышева звучало предостережение: «Имеются и такие случаи, когда некоторые вельможные чиновники, злоупотребляя своею властью, учиняют расправу за критику, прямо или косвенно подвергают подчинённых репрессиям и преследованиям. Но всем известно, как строго карает таких вельмож наша партия и её Центральный Комитет, не считаясь при этом ни с чинами, ни со званиями, ни с прошлыми заслугами» (XIX съезд ВКП(б)—КПСС. Стенограммы и материалы. 5—14 октября 1952 г.: URL: <http://militera.lib.ru/docs/da/s19/index.html>).

²⁸ *Kuron J., Modzelewski K. List otwarty do partii* (URL: http://www.pracdemorepublika.pl/strony/listotwarty_kur_modz.html).

создающий и защищающий свой частный мир от посягательств общественных институтов, осознающий свою непохожесть на людей, имеющих иные социальные статусы. В виду отсутствия в советской культуре подходящей идеологической матрицы становление идентичности происходило, как правило, вне чёткой артикуляции собственных социальных интересов. Оно представляло собой серию шагов по выстраиванию подходящих социальных связей, основанных на доверии и близости социальных позиций, невнятице частных суждений и оценок, и апелляции к здравому смыслу.

И здесь следует согласиться с Е.Ю. Зубковой. Стратегии социального самоопределения, сложившиеся в советскую эпоху, работают на личностном уровне и сегодня: «Советскость не растворилась в постсоветской социальной реальности, а постоянно напоминала о себе».

Анна Крылова

*Советский социум и проблемы исторической реконструкции.
Размышляя вместе с Еленой Зубковой*

Anna Krylova (Duke University, Durham, USA)

Soviet sociality and the problem of historical reconstruction.

Thinking together with Elena Zubkova

DOI: 10.31857/S086956870006376-4

В последние десятилетия, и в особенности после распада СССР, историки и социологи уделяют много времени и сил изучению советского периода российской истории, отмеченного попыткой проложить особенный путь в промышленную модернность XX в. В зависимости от поставленных вопросов или выбранной темы учёные предлагали исследования в рамках хорошо известных, хотя не всегда отчётливо сформулированных, теоретических рубрик: быт, повседневность, консюмеризм, советский человек и, наконец, теоретически самая неопределённая рубрика — собственно советскость. В статье «Советская жизнь как предмет исторической реконструкции» Е.Ю. Зубкова задаётся вопросом: как быть с богатым материалом, собранным в ходе этих исследований? Не пора ли сделать паузу, чтобы разобраться в полученных результатах, оценить аналитическую ценность используемых научных методов и начать работу по синтезу и определению новых направлений исследований? Постановка проблемы очень своевременна.

Для того чтобы двигаться дальше, исследовательница предлагает ретроспективный критический обзор пути, который мы, международное сообщество учёных, прошли с тех пор, когда предмет нашего исследования — советский социум — ещё жил и здравствовал. Я остановлюсь в основном на интеллектуальной повестке, намеченной автором на будущее. Центральное место в ней занимает тезис о необходимости поменять аналитические механизмы дальнейшего изучения и обобщения социальной истории «советского», обратившись к разработке того, что Зубкова называет «интегральными моделями». Такой поход, как мне кажется, содержит в себе как многообещающие возможности, так и потенциальные ограничения.